

0606

HARLEQUIN®

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Мейси Джетс
**ПЕРЕМИРИЯ
НЕ БУДЕТ**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Мейси Эйтс

Перемирия не будет

«Центрполиграф»

2014

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Эйтс М.

Перемирия не будет / М. Эйтс — «Центрполиграф»,
2014 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-06701-2

Кровная вражда разделила две когда-то мирные державы. Самаира, дочь погибшего правителя, пробирается во дворец врага, шейха Феррана Башара, чтобы совершить жестокую расправу. Убийца поймана, но вместо тюрьмы шейх предлагает ей брак. Сумеет ли он преодолеть ненависть невесты и зажечь в ее сердце любовь?

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-06701-2

© Эйтс М., 2014
© Центрполиграф, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мейси Эйтс

Перемирия не будет

Maisey Yates
To Defy a Sheikh

© 2014 by Maisey Yates

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Глава 1

Шейх Ферран Башар, правитель Кадры, не переживет этой ночи. Он еще не знает об этом, но это так.

Убить человека непросто. Поэтому она тренировалась изо всех сил, репетируя каждое свое движение, тренируя мышечную память. Когда придет время, в ней не будет ни колебаний, ни сожалений.

Она ждала у дверей спальных покоев шейха, держа в одной руке ткань, смоченную хлороформом, а другой сжимая нож, спрятанный в складках платья.

Как могла она испытывать жалость к нему? Он овладел ее наследством; и теперь традиция, древняя, как оба их царства, требовала, чтобы его род прервался вместе с ним – так же, как род ее отца прервался с его смертью. Он оставил после себя единственную дочь, которая не могла стать носительницей его имени. А его королевство, потеряв правителя, на многие годы оказалось в упадке.

Впрочем, сейчас не время для эмоций. Надо действовать. Месяц назад она устроилась на работу во дворец, и никто ее ни в чем не заподозрил. Да и сам шейх Ферран оказался не умнее дворцовых служителей и не узнал ее. Впрочем, с чего ему вообще было обращать на нее внимание?

А вот она его сразу узнала. И внимательно наблюдала за ним.

Шейх Ферран был высок, строен и мускулист. Она наблюдала за тем, как он до изнеможения колотит боксерскую грушу. Она знала, как он двигается, и представляла, насколько он вынослив.

Она будет милосердной. Он ничего не почувствует.

Он не узнает, что его ждет. Не будет умолять оставить его в живых. Ему не придется, сидя в тюремной камере, ждать смерти. Все это выпало на долю ее отца. А он просто умрет, и все.

Да, она будет милосердной – в отличие от него.

Она была уверена, что ей все удастся.

А если нет – что ж, тогда именно она не увидит утра. Но к этому риску она готова. Его ей не избежать.

Она застыла в напряженном ожидании. Наконец послышались тяжелые, твердые шаги. Она была практически уверена, что это Ферран. Затем дверь открылась, и луч света упал на отполированный мраморный пол. В нем отразилась высокая, широкоплечая фигура. Ферран. Он один.

Отлично.

Осталось лишь дождаться, пока он закроет дверь.

Она ждала не дыша. Он закрыл дверь, и она поняла: действовать нужно немедленно.

Прежде чем выступить из тени, Самира произнесла короткую молитву – о справедливости, о прощении и о смерти. Пусть она придет быстро. К нему или к ней.

Ферран повернулся, и их глаза встретились. Самира застыла. В его глубоких черных глазах таился живой, яркий блеск. Он был поразительно красив.

И поразительно знаком.

Да, хоть прошло много лет, она помнила его. И теперь могла лишь стоять, застыв в потрясенном молчании.

Этот момент решил все.

Ферран быстро подошел к Самире и схватил ее за запястье. Она резким рывком выдернула руку и, пригнувшись, подставила ему ногу. Когда они оба упали на пол, она скользнула ему за спину, взяв его шею в захват и пытаясь накрыть его лицо тканью, смоченной в хлороформе.

Зарывав, он вновь схватил ее за руку. Она вновь попыталась вырваться, но на этот раз он держал изо всех сил, будучи готовым к подобной попытке. Она застонала от натуги и сильнее сжала его шею. Ферран резко рванулся и вместе с Самирой ударился о каменную стену, чуть не вышибив из нее дух. Гневно вскрикнув, она вцепилась в него, сплетя ноги вокруг его талии. Крепко держа ее за кисть, он несколько раз ударил ее руку об стену, и она с проклятием выпустила ткань, продолжая ожесточенно бороться. Но неожиданного нападения не получилось, и, хотя она была опытным бойцом, шейх существенно превосходил ее силой. Она упустила свое единственное преимущество.

Закрыв глаза, Самира представила себе свой дом. Не улицы Джахара, а дворец, откуда они с матерью были изгнаны после того, как ее отец был казнен. Казнен по приказу Феррана.

Адреналин пульсировал в ее венах. Она упала на бок, всем своим весом налегая на его шею. Он вскочил и перебросил ее через себя. Она упала на спину. Ковер практически не смягчил удар, и она, задыхаясь, осталась лежать на полу.

Затем она с трудом поднялась на ноги. Она знала: пришло время умереть. Ферран был безжалостен, как и его отец, вся ее жизнь доказывала это. Наверняка сейчас им владеет единственное желание – немедленно сломать ей шею.

Он бросился на нее. Но она, высоко подпрыгнув, ударила его ногами в грудь, ловко приземлившись на обе ноги и приняв бойцовскую стойку, готовая атаковать и блокировать удары.

При первом движении шейха она провела прием, ударив его ногой в лицо. Он покачнулся, и она, воспользовавшись моментом, повалила его на пол и попыталась задушить, придавив его плечи коленями и схватив рукой за горло.

Она видела, как его глаза блестят в темноте.

Теперь они были лицом к лицу. И все же она должна была сделать это. Она потянулась за кинжалом. Нет времени на раздумья, на колебания. Она помнила: шейх не колебался, вынося приговор ее отцу. У ее врага не было жалости – и она не может позволить себе эту роскошь.

Она выхватила кинжал, но шейх, перехватив ее запястья, с рычанием перевалился вместе с ней к кровати. Он медленно отвел ее руку дальше, к ее лицу. Лезвие кинжала полоснуло по щеке, и она почувствовала, как кровь заливает рот. Тогда она схватила его другой рукой за волосы, отводя его голову назад. Она пыталась дотянуться лезвием кинжала до его горла, но он перехватил ее руку и перевернул ее на спину. Теперь они поменялись местами: она была распластана на спине с вывернутыми руками. Мышцы и сухожилия пронзила боль, порез на щеке горел огнем.

– Кто тебя подослал? – прорычал он.

– Я сама, – гордо произнесла она, сплевывая кровь.

– Что тебе нужно?

– Разумеется, убить тебя.

Он стал, рыча, выворачивать ей кисть. Наконец она выронила кинжал. Но шейх по-прежнему крепко удерживал ее руки.

– Тебе не повезло, – произнес он.

– Пока.

– Не надейся, – с отвращением сказал он. – Но я хочу знать: почему женщина, спрятавшаяся в моей спальне, хочет убить меня?

– Думаю, для тебя это не редкость.

– Я подобного не припомню.

– Жизнь за жизнь, – ненавидяще проговорила Самира. – Жаль, что у тебя только одна жизнь. Ты отнял больше.

– Неужели?

– Я не собираюсь с тобой спорить.

– Да, ты же пришла меня убить. Но это тебе не удалось. Так что тебе стоит подумать, почему я не должен казнить тебя за попытку убить главу государства. Это несложно. В крайнем случае я могу бросить тебя в тюрьму. Для этого мне достаточно лишь позвонить.

– Почему же ты не звонишь?

– Потому что я не смог бы оставаться шейхом, если бы не умел обратить в свою пользу даже самые зловещие происшествия. Главное – знать, где искать.

– Я не дам тебе использовать меня ради твоей пользы.

– Тогда – добро пожаловать в тюрьму.

Самира заколебалась. Она не собиралась сотрудничать с Ферраном. Ее жизнь кончена. И разрушил ее Ферран. Он сверг правительство ее страны, выгнал ее семью, как бродячих собак, оставил ее и мать на улице, где им пришлось бороться за жизнь. В итоге ее мать умерла.

Он отнял у нее все. С тех пор ее жизнь была подчинена лишь одной цели: не дать Феррану уйти безнаказанным. Не дать его роду продолжиться в то время, как ее имя умрет.

Но она потерпела неудачу.

А может, и нет. Но чтобы продолжать идти к цели, она должна остановиться. Выслушать Феррана. И сделать то, о чем упомянул он: обернуть ситуацию в свою пользу.

– И что же я должна отдать в обмен на свободу?

– Я еще не решил, – проговорил Ферран. – Я вообще не уверен, что готов дать тебе свободу. Но власть в моих руках, не так ли?

– Разумеется. Ты ведь шейх.

– Это правда.

– Так, может, тыпустишь меня?

Он вытянул руку так, чтобы она ее видела. Его пальцы сжимали кинжал.

– Я тебе не доверяю, маленькая пустынная гадюка.

– Разумеется, ваше величество. Как только у меня будет такая возможность, я перережу вам глотку.

– Не забудь, что твой кинжал у меня. Я отпущу тебя, только если ты пообещаешь следовать моим указаниям.

– Зависит от того, что это будут за указания.

– Ложись на постель. И не двигайся.

Самира замерла. Она была готова к смерти. Но она не допускала даже мысли о том, что он посягнет на ее тело. Нет. Лучше смерть! Она будет биться, чего бы ей это ни стоило. Она не позволит ему еще раз обесчестить ее и ее семью. Она умрет в бою, но не допустит его к себе.

Лучше кинжал.

Но Ферран не станет...

Она постаралась выкинуть из головы эту мысль. Ферран способен на все. Не важно, каким он был в той, прежней жизни. Он успел доказать: то была ложь.

Она не двигалась. Он тоже выжидал.

– Так что, мы договорились? – наконец спросил он.

– Ты не тронешь меня, – сказала она дрожащим голосом.

– У меня нет никакого желания трогать тебя, – ответил он. – Но я должен тебя видеть. Ты женщина, но ты сильна, и ты отличный боец, иначе я бы с легкостью взял над тобой верх. Я, конечно, сильнее тебя, и у меня есть оружие. Но я тебе не доверяю. Так что сядь на кровать и положи руки на колени. Я не собираюсь унижать тебя, и я не хочу секса. Здесь ты можешь чувствовать себя в безопасности.

– Я скорее умру.

– А я скорее тебя убью. Так что считай, об этом мы договорились. Так что иди на кровать и сядь.

Он медленно ослабил захват, все еще крепко держа кинжал. Она забралась на кровать и уселась в центре огромного матраса. Такие кровати она видела лишь в прежней жизни, которая с трудом всплывала в памяти.

С тех пор как их изгнали из дворца в Джахаре, она спала на раскладушках или на грубо сколоченных деревянных кроватях, обтянутых кожами вместо матраса. В складских помещениях магазинов, в задней комнате зала, где она училась боевым искусствам, а в неудачные дни – просто на земле, на улице. Когда она стала служанкой во дворце Феррана, она обзавелась нормальной кроватью впервые за шестнадцать лет – с тех пор, как ее выгнали из ее детской комнаты. Кровати для слуг во дворце были куда роскошнее тех, к которым она привыкла, – мягкие, с двумя подушками. От такой роскоши она давно отвыкла.

И вот теперь она сидела на постели Феррана. От этой мысли по ее коже поползли мурашки.

Она не верила его обещаниям. В том числе обещанию не трогать ее. Она знала о его вероломстве. Ведь это он отдал приказ казнить ее отца, легко забыв дружеские улыбки и клятвы о неразрывном союзе двух королевских семей...

– Я еще раз спрашиваю: кто тебя послал? – требовательно спросил он.

Он все еще считает ее пешкой в чьих-то руках. Он не понимает.

– Я же сказала, что действовала по собственной воле.

– Зачем?

– Чтобы отомстить.

– И чем же я тебя обидел?

– Ты убил моего короля, шейх Ферран. И этим очень сильно меня обидел.

– Не в моих привычках убивать людей. – Его голос зазвенел.

– Своими руками – нет. Но ты устроил суд, который приговорил к казни шейха Джахара. И отдал приказ о штурме дворца. Столько смертей... Я хорошо помню тот день. Слишком хорошо.

Ферран застыл, костяшки пальцев, сжимавших кинжал, побелели. И Самира впервые почувствовала страх. Вся цивилизованность слетела с шейха в мгновение ока. На нее смотрел безжалостный воин пустыни.

– Никто не выжил во время штурма дворца Джахара, – хрипло проговорил он.

– Это неправда. К сожалению для тебя.

– Вся королевская семья и преданные ей слуги были убиты. Так мне доложили.

– Твои согладатаи ошиблись. А мне было невыгодно исправлять эту ошибку. Но я осталась жива. Только для того, чтобы забрать твою жизнь.

– Значит, ты мой ангел смерти? – Он усмехнулся, но глаза его оставались серьезными. – И пришла забрать меня в ад?

– Да.

– Очень интересно. – Шейх помолчал. – Ты заставила меня испугаться. Немногим людям это удавалось.

– Что ж, я рада. Но я не удовлетворена.

– Ты хочешь крови?

– Я требую ее. – Самира воинственно вздернула подбородок. – Только так я смогу отомстить.

– Мне жаль, что сегодня ночью я не смог дать тебе этого удовлетворения.

– Я сожалею об этом куда сильнее, чем ты.

– Но почему ты мстишь мне? Почему не новой власти? Не людям, которые захватили дворец, убили шейху и ее дочь?

– Тех повстанцев, которых науськали твои люди?

– Ни я, ни кто-либо здесь, в Кадре, не участвовали в свержении королевской семьи Джахара. У меня есть своя страна, и мне незачем было уничтожать твою.

– Но ты оставил нас без короля. Ты подверг шейха Джахара суду и казни здесь, в Кадре, – ненавидяще прошипела Самира. – И оставил нас умирать. Выгнал из нашего дома. Солдаты, слуги... все, кто не переметнулся на сторону нового правителя, были убиты. А те, кто спасся... для них осталась лишь видимость жизни. Нам оставалось лишь уйти в пустыню в надежде, что Бог выведет нас к морю или к границам другой страны.

Именно это сделала когда-то ее мать. Ушла в пустыню, чтобы никогда не вернуться. К счастью, через несколько лет новый режим забыл о них. Именно поэтому она смогла попасть в Кадру.

– Я не несу ответственности за жизнь шейха Рашада. Он заплатил за то, что совершил. И все же мне жаль, что все обернулось именно так.

– Да что ты? – издевательски рассмеялась Самира. – А вот для меня сожаление – неподходящее слово. Ты уничтожил мою жизнь.

– Прошло уже шестнадцать лет.

– Для меня это не имеет значения.

– Еще раз говорю: я не отдавал приказа убивать ваших людей. Хотя в это многие не верят. Эта история преследует меня, как ночной кошмар.

– Преследует? – Самира презрительно скривила губы. – Ты, наверное, страшно страдал? Здесь, во дворце, при власти? Куда там сравнивать с моими страданиями по своей стране!

– Когда тебя обвиняют в том, чего ты не совершал, – это всегда непросто, – парировал шейх. – Хотя я не посылал своих людей захватывать твою родину. Зачем это мне? Что бы я выиграл от этого? Я никак не мог повлиять на события. Хотя до сих пор считаю себя ответственным за то, что произошло.

– Ты противоречишь себе, шейх. Либо ты виноват в случившемся, либо нет.

– У меня был выбор. Я решил стоять за свой народ, за своего отца, за свой род. Если бы я знал, чем все кончится, возможно, мой выбор был бы иным.

– Ты что, считаешь себя богом?

– Я шейх. Это почти одно и то же.

– Значит, ты – бог-неудачник.

– А ты? Ты считаешь себя богиней? – спросил он, встав возле кровати – высокий, прямой, горделивый.

– Нет. Я – ангел смерти. Я ищу не власти, а справедливости.

– Ты думаешь, еще одна смерть приблизит справедливость?

– Кто отдал под суд шейха Джахара? Кто оставил мою страну обезглавленной?

«Кто лишил меня отца?» – хотела добавить она, но не смогла. Это была бы слабость, а она не хотела показывать ему свою слабость.

– Я, – твердо ответил шейх. – Потому что кровь правителя Кадры была на его руках.

– Но у Кадры остался наследник!

– И в Кадре не было обозленной толпы. – Его лицо окаменело. – Смерть короля, конечно, потрясла Джахар, но если бы люди не страдали...

– Я здесь не для того, чтобы говорить о политике!

– Да-да, я помню: чтобы перерезать мне горло. Но лично я предпочитаю поговорить о политике.

Самира на секунду отвела глаза, чтобы собраться с духом.

– Ты оставил маленькую девочку без защиты, – тихо проговорила она. – А королеву – без мужа.

– А что мне было делать, когда король Джахара отнял жизнь моего отца? И моей матери?

– Он не...

– Мы не будем говорить о моей матери, – яростно произнес он. – Я запрещаю!
– Вот поэтому мы оказались здесь, – спокойно сказала Самира. – Теперь ты меня убьешь?
– Ты хотела убить меня, маленькая гадюка, – задумчиво произнес шейх. – И до сих пор жалеешь, что тебе это не удалось. Полагаю, мне стоило бы приказать отделить твою очаровательную головку от шеи.

Самира схватилась за горло. Это был рефлекторный жест. Жест трусости. Ей это не понравилось.

– Однако, – продолжал шейх, – мне не хватит духу убить девочку-подростка.
– Я не подросток.
– Значит, почти подросток. Тебе не больше двадцати.
– Двадцать один, – процедила она сквозь зубы.
– Значит, у меня недостает духу убить девушку двадцати одного года. Так что лучше я постараюсь извлечь пользу из твоего присутствия. – Ферран задумчиво провел пальцем по лезвию ее кинжала. – Только придется не сводить с тебя глаз. А то эта штука быстро окажется торчащей у меня из спины.

– Я ничего не буду обещать тебе, шейх, – вскинула голову Самира.
– Тебе стоило бы научиться использовать инстинкт самосохранения.
– Прости. Просто я до сих пор не верю, что у меня есть шанс на жизнь.
Что-то изменилось в лице шейха. Он сдвинул брови:

– Самира. Ты не служанка. Ты – Самира.

В конце концов он ее узнал. А она надеялась, что этого не случится. Он ведь не видел ее с тех пор, как ей исполнилось шесть.

Она посмотрела Феррану прямо в глаза:

– Самира аль-Азем, шейха Джахара. Принцесса без дворца. Я пришла заставить тебя отдать долг.

– Ты считаешь, я должен заплатить кровью, малышка Самира?
– Не называй меня малышкой. Я чуть не выбила тебе мозги.
– Верно. Но для меня ты все равно малышка.
– Попробуй быть таким дерзким, когда кинжал вновь окажется у меня в руках и я пере-
режу тебе глотку, шейх.

– Да, ты изменилась. – Он внимательно разглядывал ее.

– Разумеется. Мне уже не шесть лет.

– Я не позволю тебе забрать мою жизнь. Она мне дорога.

– Да, самосохранение – это и правда инстинкт.

– Для большинства, – сухо сказал он.

– Но не для того, кому нечего терять.

– Как тебе?

– А иначе стала бы я пробираться в твой дворец и пытаться убить тебя? Я не ценю жизнь. Его глаза приняли спокойное выражение.

– Я не могу заплатить тебе кровью, Самира. Но ты оплакиваешь свое наследство. Свой дворец. И здесь я могу тебе помочь.

– Неужели?

– Да. Я придумал, как использовать тебя. Через неделю я представлю тебя всему миру как мою будущую жену.

Глава 2

– Нет.

Ферран внимательно смотрел на женщину, сидевшую на его постели. Она называла себя Самирой аль-Азем и, насколько он мог надеяться на свою память, действительно была ею. Самирой, восставшей из мертвых.

Он был уверен, что принцесса погибла. Смешливая темноглазая девчушка, которую он так хорошо помнил, сгинула в вихре жестоких убийств. Ссора, начавшаяся во дворце в Кадре, закончилась смертью шейха Джахара и выплеснулась через границу Джахара волной насилия, залившей дворец кровью.

Шейх Джахара сам первым поднял оружие. Он пошел на штурм дворца Кадры, мстя за интрижку своей жены с отцом Феррана. Тогда Самира была еще ребенком, а Ферран – мальчишкой-подростком. После этого все вышло из-под контроля, и в итоге множество людей нашли свою смерть.

Весь мир считал, что Самира стала одной из жертв.

Действительно ли перед ним принцесса?

Он считал, что девочка, которую он знал, давно мертва. И что он отчасти виноват в ее смерти. Возможно ли, что она осталась жива?

Она была небольшого роста, темноволосой – насколько он мог понять. Шарф всегда тщательно укрывал ее волосы, и об их цвете можно было судить лишь по угольно-черным бровям. В его дворце служанок не обязывали закрывать волосы и лица. Он был уверен, что она работает здесь, во дворце, хотя и не так давно. Слуг у него было много, и ему незачем было помнить каждого из них в лицо.

Впрочем, это лицо он запомнит. Лицо девушки, которая пыталась убить его здесь, в собственной спальне. Возможно, той самой, мысли о которой не покидали его на протяжении шестнадцати лет...

В его душе боролись гнев и жестокое веселье. Итак, память о прошлом настигла его – и как! Самая невинная из жертв вознамерилась отнять его жизнь. Вот оно, доказательство, что в тот день справедливость оказалась попрыгана.

Хотя он за это не в ответе. Совершенная им справедливость разрушила ее жизнь. И все же он ничего не мог поделать. Как он мог выпустить на свободу человека, лишившего его страну лидера, вынудившего заменить мужчину – мальчиком.

Человека, убившего его семью из мести.

Они были словно две стороны одной монеты. Переверни ее – и увидишь совершенно другую картину.

Отбросив воспоминания, он сосредоточился на сегодняшнем дне. На этой женщине. Самире.

– Нет? – переспросил он.

– Ты слышал мой ответ. Я не буду с тобой.

– Тогда ты будешь с теми, кого судьба даст тебе в соседи по камере. Надеюсь, там тебе понравится.

– Ты считаешь, что я этого боюсь?

– А разве нет?

Вскинув голову, она взглянула шейху в глаза:

– Я приготовила себя ко всему.

– Судя по тому, что ты отвергла мое предложение, явно не ко всему. Ты же понимаешь, что я не верю, будто ты действовала сама. И я так или иначе найду тех, кто втравил тебя в это.

Не важно, согласишься ты на мое предложение или нет. Но если согласишься, тебе же будет лучше.

– Союз с тобой? Ты считаешь, это может быть лучше для меня?

– Ты помнишь, – он медленно выговаривал каждое слово, ненавидя себя за них, – как я поступаю с теми, кто угрожает безопасности короны.

– Я все помню. Я помню, как ты размахивал флагом Кадрана, радуясь казни моего отца, – ледяным тоном проговорила она.

– Это была необходимость, – ответил Ферран. – Я не мог допустить, чтобы здесь случилось то же, что и в Джахаре.

– Но тогда в Джахаре все было спокойно. Хаос начался лишь после того, как шейх погиб, армия распалась и мы остались без защиты. Только тогда мятежники решили добыть себе свободу ценой наших жизней.

– Это война, – проговорил шейх. – И история. Здесь никто не принимает во внимание отдельные судьбы. Интересен лишь результат.

– Тогда нам остается лишь стыдиться своей личной судьбы.

– Зачем? – спросил Ферран. – Лично я ее не стыжусь. И для тебя это не обязательно. Именно поэтому я предлагаю тебе стать моей женой.

– Ничего не поняла. У тебя получается, что два плюс два равно верблюду.

Ферран засмеялся, хотя по-прежнему не находил ситуацию смешной:

– Трения между Кадрой и Джахаром создают напряженность в регионе. Стычки на границе стали нормой, о чем ты сама прекрасно знаешь. Наш брак сможет изменить все. Сделать черное – белым. Именно так я и живу. В мире абсолютных истин, где не существует теневых зон.

– И что мне делать в твоём черно-белом мире? Я никогда не откажусь от своей цели. Королевская семья Джахара не возродится.

– Какой была твоя жизнь с тех пор, как ты покинула дворец?

– Бедной. – Ее темные глаза смотрели ему прямо в лицо.

– Выйдя за меня, ты вернешься на трон.

– Я никогда не выйду за тебя.

– Тогда ты отправишься в тюрьму.

Выражение ее лица почти уничтожило последние ростки жалости к ней. Глупо жалеть женщину, которая пыталась его убить. И ведь ее замысел мог закончиться удачей. Она явно была опытным бойцом. То, что она была всего лишь женщиной, не заставило его усомниться в этом. Его спас лишь краткий миг ее колебания. Эти секунды разделили жизнь и смерть.

Он не должен жалеть ее. Не должен вспоминать о том, что знал ее ребенком, резвой избалованной маленькой принцессой неземной красоты. Сокровищем своей страны.

Теперь она была другой. Да и он не был уже заносчивым подростком, наследным принцем, думающим лишь о женщинах, о том, как улизнуть на очередную вечеринку или устроить еще одно опасное приключение на одной из отцовских яхт.

Они оба столкнулись с жестокой реальностью жизни в слишком юном возрасте. Он получил жестокий урок того, к чему ведет человеческая слабость. Его собственная слабость. Раскрывшаяся тайна заставила ее отца ворваться в их дворец со смертью в душе. А в итоге – погиб королевский род, разрушена страна, которая все еще восстанавливается.

Эти события определили и ее, и его судьбу. Но ее нынешние действия не имели отношения к давним событиям. Так что он должен отправить ее в тюрьму, не зная жалости.

И все же он этого не хотел.

Его предложение было поправлением здравого смысла. Нельзя было позволять себе жалеть несостоявшуюся убийцу и надеяться на ее честность. Он знал, что вера в недостойного человека чревата катастрофой. И если теперь он ошибется...

Нет. Он не допустит ошибки.

И дело было не в жалости. Этот союз принесет ему массу политических дивидендов. Да, в те мрачные времена, шестнадцать лет назад, Джахар пострадал сильнее всего, но и Кадре пришлось несладко. Они потеряли шейха и его жену, и вспышки насилия сотрясали страну. Он уже не чувствовал себя в безопасности.

Династия дала трещину.

Союз между двумя странами существовал многие века – и распался в мгновение ока. Это изменило все – для него и для миллионов людей, называвших его страну своим домом.

Ему было непросто пережить это. Вот почему он никогда не колебался. И никогда не позволял себе жалости.

Но теперь у него была возможность все изменить. Он понимал: новая кровь, новые аресты не смогут излечить раны прошлого.

С прошлым надо покончить. И они с Самирой смогут сделать это.

– Может, ты все же предпочтешь казнить меня? – спросила Самира.

– Ты просишь смерти?

– Вместо тюремной камеры?

– Вместо свадьбы.

Ее ноздри раздувались, она смотрела на шейха потемневшими от гнева глазами:

– Я не стану твоей собственностью.

– Я не собираюсь превращать тебя в свою собственность. Но ответь мне, Самира: что твое решение принесет нашим двум странам?

– Моей – ничего дурного.

– Ты так думаешь? Но это глупо! Никто не поверит, что девочка могла действовать в одиночку.

– Я не девочка.

– Насколько я вижу, ты еще совсем дитя.

– Если бы я росла во дворце, может быть, это было бы так. Но я выросла на улице. Я спала на порогах, а жилище в задней комнате магазина считала удачей. Я должна была заботиться о матери, медленно сходящей с ума. Я страдала от голода и жажды, боялась грабителей и насильников. Я не ребенок. Я всегда буду старше тебя, сколько бы ты ни прожил! – яростно выкрикнула она.

Ему было невыносимо думать о том, что она пережила. О ее жизни на дне, в постоянном страхе. Она выжила, но он понимал: лишь ярость помогла ей спасти свою жизнь.

– Подумай вот о чем, – медленно проговорил он. – Если я умру от твоей руки, Кадра заставит Джахар заплатить за это. Если я отправлю тебя в тюрьму, те, кто лоялен королевской семье Джахара, тотчас пригрозят мне войной. Но если мы заключим помолвку...

– Что подумают те, кто теперь правит в Джахаре?

– Думаю, они будут счастливы узнать, что ты вошла в мой королевский дом вместо того, чтобы утверждать собственную династию в Джахаре. Это обеспечит твою безопасность надежнее, чем тюремная камера. Если мы помолвлены и собираемся пожениться, твои намерения будут понятны. Если же ты окажешься в тюрьме... кто знает, что ты планируешь? Может, ты хочешь сбросить меня с трона и взять власть сразу над двумя странами?

– Не говори глупости, – проговорила она. – Я всего лишь одинокая женщина. Маленькая и слабая бывшая принцесса, которую давно пора сбросить со счетов из-за пола и воспитания. В худшем случае я – призрак. Ведь все считают меня мертвой.

– Кинжал, который я держу в руке, доказывает, что ты отнюдь не призрак.

– Вряд ли кто-то поверит, если ты сообщишь об этом.

– Может, и нет. Но риск остается.

– Что ты хочешь получить от этой сделки? – вдруг спросила Самира.

Это был хороший вопрос. Он не знал, откуда мгновенно всплыл ответ на него, но сразу понял, что это и есть главная причина. Эта мысль, как охлаждающий бальзам, остудила болезненно пульсировавшее в нем чувство вины. Прошрое осталось в прошлом. Да, он жалел о ее смерти, и он защитил бы ее, если бы смог. Но тогда это было не в его силах. А сейчас он защитит ее. А заодно поможет самому себе и народу, все еще жившему во тьме и страхе.

– Я хочу залечить раны, – задумчиво проговорил он. – А не наносить новые. Не хочу, чтобы кровь вновь обагрила покои моего дворца. Не хочу больше смертей. Даже твоей смерти, – закончил он, словно давая клятву.

Шейха Самира аль-Азем была частью давно ушедшего прошлого, полного боли и смерти. Он хотел изменить его. Потому что в том, что случилось, была его вина, только его. Сколько бы он ни отрицал этого.

Это диктовали ему не эмоции, а логика, острое чувство чести и долга. Он не верил в эмоции. Лишь в справедливость.

– Так что ты выбираешь, Самира? – скрестив руки на груди, спросил он.

– Тюрьму, – произнесла она.

Феррана охватила горячая волна гнева. Может, она просто глупа? Неужели она не понимает, что у нее появился шанс все исправить, шанс быть свободной? А она вместо этого хочет в тюрьму!

– Да будет так, – прорычал шейх и, отбросив кинжал, кинулся к кровати и в мгновение ока перебрался через плечо.

Вскрикнув, Самира стала извиваться и шипеть, как разъяренная кошка. Он крепко держал ее руки и ноги, но она все еще пыталась ударить его в грудь.

– Возможно, ночь в темнице остудит тебя, *habibti*.

Пройдя в дальний угол комнаты, он сдвинул картину и набрал цифры кода на открывшейся электронной панели. Книжные полки медленно отодвинулись в сторону.

– Кое-что здесь, в Кадре, мы сделали более современным, – резко произнес он, проходя через открывшийся вход в узкий коридор.

– Убери от меня свои руки!

– И дать тебе шанс перерезать мне глотку? Нет уж! Я дал тебе шанс, но ты отказалась. Тут никто не услышит твоих криков. А если и услышат... Я шейх. А ты вторглась в мои апартаменты.

Он знал каждый проход во дворце. Знал все его тайны. В случае покушения это давало ему преимущество. Благодаря этому он уже пережил одно нападение и выжил – единственный из всей семьи. После этого он стал ценить эти знания еще больше. Так что теперь ему было нетрудно найти путь к подземной темнице. Она не использовалась многие десятилетия. Но сегодня ей найдется применение.

Если он оставит ее на свободе, она, без сомнений, убьет его во сне. Он не позволит ей сделать этого. Либо она будет действовать с ним заодно, либо окажется под замком. Черное или белое. Именно таким должен быть мир.

– Я убью тебя, как только у меня будет шанс! – крикнула она, вновь попытавшись ударить его.

– Я не сомневаюсь в этом, – спокойно ответил шейх.

Он перехватил ее поудобнее, скользнув рукой по ее округлой ягодице. Это прикосновение обожгло его, как огонь. Он не был с женщиной уже... слишком долго. Он не будет вспоминать – сколько.

«Ты точно знаешь, сколько, – шепнула память. – А если ты женишься на ней...»

Ферран отогнал эту мысль. Он не станет рабом своего тела. Он вообще не будет рабом. Он останется холоден как лед. Теперь и всегда.

Он спустился по ступеням и вошел в подземную темницу. Построенная в Средние века, она тем не менее была в полном порядке.

– Отпусти меня!

– Ты же угрожаешь убить меня! Так что придется подождать.

Шейх взял с крюка, вбитого в стену, связку ключей и пинком открыл обитую железом дверь ближайшей камеры. Там он поднял с пола кандальное кольцо, прикрепленное цепью к стене, и защелкнул его на лодыжке Самиры. Она виртуозно выругалась. Будто не слыша, шейх опустил ее на деревянную скамью и быстро вышел из камеры, закрыв за собой дверь.

– Ублюдок! – закричала она.

Шейх резко повернулся, вцепившись в решетку побелевшими пальцами:

– Ты не права. Во мне течет королевская кровь. И ты отлично это знаешь.

– Обязательно было надевать на меня кандалы?

– Я не хотел бы, чтобы ты исхитрилась вывернуться и упрятать в камеру меня самого.

Подойди поближе к решетке, и я отопру их. Теперь ты надежно заперта, и я в безопасности.

– Ты уверен?

Он внимательно взгляделся в ее блестящие глаза:

– Пока нет. Но ты сама можешь решить свою судьбу. Можешь сгнить здесь – или стать шейхой и занять свое место во дворце. Завтра на закате ты должна сделать выбор.

– На закате? Это что, ухудшенная версия «Тысячи и одной ночи»?

– Ты сама предпочла вернуться в прошлое, стремясь к мести, чтобы прервать мой род. Не удивляйся же, что я играю по тем же правилам. – Шейх направился к выходу из темницы. – Хочешь продолжать в том же духе – что ж, это твой выбор. Но я постараюсь, чтобы все сложилось так, как я хочу. А я хочу, чтобы ты стала моей женой. И думаю, в конце концов ты согласишься.

Глава 3

Шейх Ферран мерил шагами комнату. Он не понимал, что подтолкнуло его предложить Самире этот брак. С точки зрения политики он ясно осознавал свои мотивы. Но с личной точки зрения... Он никогда не думал, что Самира аль-Азем вернется в его жизнь. И уж тем более – окажется в его постели.

Да, ему нужна жена. Давно пора было решить эту проблему. И все же он откладывал и откладывал решение. Он был слишком занят. На подобные мелочи у него не было времени.

Брак с Самирой был самым простым решением. Он позволит ему сгладить отношения между их странами. Так что он с чистой совестью может считать, что его ведет чувство долга. А желания... их он не мог себе позволить.

И никогда не позволит.

...Самира проснулась. Она не имела понятия, который сейчас час. В темницу не проникал солнечный свет. Сюда вполне подошел бы факел, чадающий на стене, но Ферран явно не желал позволить ей подобную роскошь.

Теперь у нее было время, чтобы подумать, как успешно завершить свою миссию.

«Сидя здесь, ты ничего не сделаешь», – шепнул ей внутренний голос.

Что ж, это было правдой.

Значит, оставался только один путь. Согласиться с его предложением. Сделать вид, что она готова сотрудничать.

Любой хищник знает: чтобы поймать добычу, нужно уметь ждать.

Она крепко сжала кулаки. Ногти больно вонзились в ладони.

Она прекрасно умеет ждать.

Ей потребуются время. Он должен поверить ей. Она будет подыгрывать ему, сколько понадобится. А затем совершит свою месть.

Эта идея ей нравилась. Хотя мысль о том, чтобы сблизиться с Ферраном, притворяясь его невестой, вызвала отвращение.

Она задремала на топчане и открыла глаза лишь на скрип открывшейся двери.

– Ты приняла решение?

Она сразу узнала этот голос.

Она села на топчане, стараясь скрыть дрожь: холод темницы пробирал до самых костей.

– Я выйду за тебя, – сказала она.

* * *

Роскошная комната, куда проводил ее Ферран, ничуть не напоминала темницу. Но это была лишь комфортабельная камера, о чем сам шейх сказал ей со всей прямоотой.

– Учти, отсюда тебе не сбежать, – сказал он. – Дворец охраняет стража. Но даже если улизнешь, ты не сможешь пересечь границу. Я найду тебя, и тогда тебя ничто не спасет.

Конечно, с его стороны было глупо переживать. Ей некуда было возвращаться. У нее не было дома. К тому же она сама была рада остаться здесь, во дворце Феррана, и обдумать свой следующий шаг.

Она огляделась, чувствуя странную тяжесть в груди. Эта комната казалась такой знакомой!.. Быть может, именно в ней она останавливалась, когда они с родителями приезжали с визитом к семье Башар? В те счастливые времена, которые теперь не имело смысла вспоминать.

Мраморные стены комнаты были оформлены тканью с буйным растительным орнаментом. Переливы красного и желтовато-зеленого шелка не скрывали богато украшенных золотом и обсидианом стен. Роскошь поверх еще большей роскоши. Кровать была оформлена под стать: затейливые драпировки затягивали ее со всех сторон, балдахин широкими складками ниспадал с высоты до самого пола. Оттоманки, подушки, коврики придавали помещению из мрамора, украшенному драгоценными камнями, теплый и уютный облик. Из окон открывался великолепный вид – из комнаты, расположенной на самом верху дворцовой башни, было видно, как вдали, за пределами дворцовых садов, за высокими стенами города расстилаются бескрайние пустынные дюны, блестящие золотом под лучами оранжевого солнца.

В высокую двустворчатую деревянную дверь, украшенную затейливой резьбой, постучали.

– Да? – отозвалась Самира.

Одна из створок отворилась, и в комнату вошла миниатюрная женщина. Самира знала ее – это была Лидия, одна из служанок, с которой Самира не раз встречалась во дворце.

– Шейха. – Лидия склонила голову.

Услышать, как ее называют титулом, принадлежащим ей по праву рождения, было неожиданно приятно. Однако Самире смущало то, что Лидия думает о происшедшем между ней и шейхом и об их отношениях. Стать женой Феррана, его любовницей, – эта мысль вызывала у нее отвращение.

Его образ всплыл у нее в памяти. Сильный, мощный мужчина. Широкие плечи, узкая талия, пронзительные черные глаза и тяжелая нижняя челюсть. Он всегда был чисто выбрит, что было нехарактерно для мужчин в этом регионе. Что ж, и здесь он явно нашел способ использовать свою внешность как преимущество. Ферран был необыкновенно красив. Впрочем, Самире это не волновало. Это было лишь наблюдение, штрих к портрету врага.

Красота обманчива.

Она знала, что ее считали необыкновенной красавицей, как когда-то ее мать. Многие мужчины считали это признаком мягкости и податливости. Что же, меч, приставленный к какой-нибудь нежной части тела, быстро отрезвлял их. Она знала, как использовать красоту, чтобы скрыть свою истинную силу. И была уверена, что Феррану это тоже известно.

Целый месяц она наблюдала за ним и вполне оценила его физическую силу. Но теперь она полагала, что недооценила его ум и хитрость.

– Я принесла вам одежду, – произнесла Лидия. – И еще, шейх велел передать, что будет ждать вас за ужином, в час, когда солнце скроется за дюнами.

– Он сказал именно так? – недоверчиво прищурилась Самира.

– Именно так, госпожа.

– Ты не находишь это странным?

– Я не имею права говорить об этом. – Улыбка слегка тронула губы служанки.

– Понятно. – Самира мерила шагами комнату.

Ее красота тоже была лишь прикрытием. На самом деле это была клетка. Клетка для тигрицы.

– А что он сказал про мое новое положение?

– Почти ничего, госпожа. Он лишь сказал, что мы должны обращаться как с шейхой и обустроить для вас это крыло дворца. И что вы не можете никуда уходить.

– Ясно. – Она обрадовалась, что Ферран оказался столь скуп на подробности. – Значит, мне следует одеться и предстать перед ним в волшебный час заката?

– Сначала я приготовлю для вас ванну, госпожа.

Что ж, после ночи в темнице ванна будет весьма кстати.

– Спасибо, я жду.

Уже через несколько минут Самира с наслаждением погрузилась в горячую ванну с ароматными маслами. Украшенная мозаикой ванна была размером с хороший бассейн. Поддерживавшие высокий потолок деревянные колонны были украшены искусной резьбой, изображавшей обнаженных мужчин и женщин, чьи тела сплетались в самых замысловатых позах.

Самира отвела глаза. Ей никогда не нравилось подобное. Особенно учитывая то, как была разрушена ее семья, и то, что многие годы ей приходилось хранить себя от посягательств мужчин, добивавшихся ее тела. А уж теперь, когда она была во власти врага, который хотел жениться на ней, овладеть ею и заставить ее родить ему наследников... Нет, это было больше, чем она могла вынести.

Она откинула голову на заботливо подложенную подушку и закрыла глаза. Несомненно, здесь было лучше, чем в темнице. Лучше, чем в любом месте, куда заносила ее судьба после изгнания из дворца. Шейх знал, как сыграть на ее слабостях.

Закончив мыться, Самира завернулась в роскошный мягкий халат и вернулась в спальню.

– Госпожа! – вскочила Лидия. – Мне следовало помочь вам!

– Мне не нужна помощь, Лидия. Не обижайся, но я хотела бы побыть одна перед встречей с шейхом.

– Конечно, шейха. – Склонив голову, Лидия вышла из комнаты.

Самире было немного неловко отсылать ее, но одеваться с чьей-то помощью казалось куда более глупой идеей. Она взяла в руки лежавшее на кровати темно-синее платье из плотной ткани. От середины ворота вниз тянулась искусно вышитая полоса серебристого бисера. Хаотическая россыпь таких же серебряных бусин блестела по всему платью, словно россыпь звезд на ночном небе. Рядом лежало шелковое белье – тонкий лифчик с небольшой подкладкой под грудь и тонкими бретельками и трусики в тон.

Одеваясь, она думала о Ферране. Он изменился, но не так, как она рассчитывала. Он не превратился в монстра, хотя и оставался для нее человеком, убившим ее отца. Он стал совсем другим, чем она могла вообразить, вспоминая его подростком. На официальных дворцовых обедах он держался напыщенно и замкнуто. Кроме того, он любил подшутить над дворцовой прислугой.

Теперь он казался человеком, совсем не склонным к шуткам.

Одевшись, она решила не покрывать голову. Вместо этого она внимательно изучила содержимое богато украшенной шкатулки с драгоценностями, стоявшей на туалетном столике. Внутри были браслеты, серьги и искусно плетенная налобная тесьма с крупным драгоценным камнем, которому полагалось красоваться на лбу. Она вплела тесьму в свои длинные черные волосы и украсила себя остальными драгоценностями. Сегодня красота станет ее маскировкой. Затем, взявшись за стоявшую тут же косметику, она быстро накрасилась, тщательно скрыв под слоем тонального крема порез, оставленный на ее щеке ее собственным кинжалом, густо подведя глаза черной тушью и наложив на губы ярко-красную помаду.

Взглянув в зеркало, она увидела перед собой незнакомку. Таких дорогих вещей она не носила все время, что ей пришлось провести на улице. Взглянув в окно, она увидела, как солнце садится за дюны.

Пора.

Придерживая подол платья, она вышла из комнаты. Браслеты на ее запястьях позвякивали в такт шагам, пока она шла по коридору. Спустившись вниз по широкой лестнице и завернув за угол, она попала в залу, где ее встретил мужчина в накрахмаленном, затейливо украшенном белом одеянии.

– Шейха, пожалуйста, сюда, – произнес он.

– Спасибо. – Самира слегка наклонила голову.

Слуга проводил ее в соседний зал. Гостиная сияла чистотой. За столом, покрытым белоснежной скатертью, могли бы легко уместиться пятьдесят человек. Но сейчас здесь сидел один

Ферран. В окне позади него виднелась пышная зелень садов – знак богатства и могущества шейха. Бессчетно тратить воду на полив здесь, в пустыне, мог позволить себе лишь человек, которому не приходилось думать о деньгах.

- Ты пришла, – произнес шейх не вставая.
 - Конечно. Солнце село. То есть скрылось за дюнами.
 - Действительно.
 - Я выполнила твое приказание в точности.
 - Как ты послушна!
 - Действительно. – Она двинулась вдоль стола в сторону шейха. – И милосердна.
 - Милосердна? – Шейх удивленно поднял брови. – Не думаю. Скорее упряма.
- Самира резко остановилась и вскинула на него взгляд:
- Может быть.
 - Садись, – скомандовал он.

Словно не услышав, она продолжила двигаться, обойдя его со спины. Проходя мимо него, она видела, как напряглись его плечи.

Значит, он знает, что не приручил ее. Это хорошо.

Она села по левую руку от него, опустив глаза в тарелку:

- Надеюсь, ужин не задержится. Умираю от голода.
- Не волнуйся, еда сейчас будет.

В ту же секунду, словно повинаясь зову Феррана, в зал вошли шестеро слуг, неся большие глиняные горшки и стеклянные кувшины с холодным соком. Слуги поставили еду перед ними, сняли крышки с тажинов и неслышно удалились.

Самира надеялась, что шейх не собирается отравить ее. Впрочем, несмотря на свою подозрительность, она не собиралась отказываться от кускуса с овощами и баранины, щедро приправленной специями. Слишком часто ей в прошлом доводилось ворочаться ночами без сна из-за тянущей пустоты в желудке. И теперь она твердо намеревалась поесть как следует. Общаться с Ферраном она могла лишь на полный желудок.

– Будем брать еду сами, – объявил Ферран, как только слуги покинули зал. – Лично я предпочитаю есть именно так. – Он встретился с ней взглядом. – Приятно осознавать, что ты контролируешь ситуацию.

Приподняв бровь, Самира взяла в руки деревянную ложку и щедро наложила кускус к себе на тарелку.

– Здесь у нас могут возникнуть проблемы, – заявила она, потянувшись за бараниной. – У меня такие же предпочтения. В итоге вряд ли каждый из нас сможет полностью взять происходящее под свой контроль.

- Ты когда-нибудь полностью контролировала свою жизнь, Самира?
- Насколько возможно, шейх. Пустыня сильнее любого из нас. Ты не сможешь остановить засуху, сезон дождей или песчаную бурю.
- Это лишь оправдание собственного бессилия.

Глубоко вздохнув, Самира вновь опустила взгляд в тарелку, принимаясь за еду.

– Я не бессильна. И никогда не буду бессильной. У меня всегда будет выбор, и моя сила со мной. – Она положила руку на грудь. – Как бы ты ни старался, ты не сможешь отобрать мое сердце, шейх Ферран Башар.

- Ты смелее всех, кого мне доводилось встречать, – произнес шейх. – И глупее всех.
- Я считаю комплиментами оба твоих признания, – улыбнулась она.
- Мне бы хотелось обсудить наши планы.
- А мне бы хотелось поесть. Все так вкусно! Слуг здесь кормят иначе.
- Правда? Не думал об этом. Я спрошу повара, возможно ли организовать для всех ту же еду, что ем я.

– Не думаю, что это возможно. Готовить пищу для одного человека – совсем не то что для целой толпы. Поверь, уж я-то знаю про еду для масс.

– Расскажи мне, – шейх положил подбородок на локоть, – как ты выжила?

– Когда мы бежали из дворца... – Нет она не будет говорить с ним о той ночи! – Мы искали убежища у тех, кто сочувствовал нам. Но их было очень мало. Мы бродили из дома в дом, не желая, чтобы кто-то знал, что мы живы.

– Все были уверены, что вы погибли.

– Да, – кивнула Самира. – Это был дар моей матери от одной из служанок. Она хотела жить и присягнула новому режиму, но, чтобы дать нам шанс спастись, она заявила новому президенту, – последнее слово она проговорила с отвращением, – что мы были убиты. Затем мы скитались, часто без крыши над головой. Иногда нам удавалось найти работу в магазине. Тогда мы спали на крыльце под навесом, а если хозяин был очень добр, то в задней комнате.

– А потом?..

– Мать умерла, когда мне было тринадцать. Вернее, она просто исчезла. Думаю, она ушла в пустыню. Она очень изменилась. С той ночи во дворце она ни разу не улыбнулась. Ну а я продолжала жить по-прежнему. В конце концов я нашла работу в студии боевых искусств. Мастера Анна не было в Джахаре во время мятежа, и он не побоялся взять меня к себе. Помимо денег, я получала за работу кров, стол и возможность учиться.

– Теперь я понимаю, почему ты чуть не одолела меня.

– У меня черный пояс по хапкидо.

– Подумать только: принцесса Джахара – мастер боевых искусств!

– Мы живем в странное время, – пожала плечами Самира, положив в рот еще кусочек баранины.

– Ну а теперь я все же хочу обсудить нашу помолвку, – сменил тему Ферран.

– Думаешь, это сработает?

– Самира, я никогда не думал о браке по любви. Я всегда хотел заключить брак, который будет выгоден мне с точки зрения политики, поможет моей стране. Такова жизнь правителя, и, я уверен, ты это понимаешь. Сейчас ты – шейха без трона и без своего народа. Я дам тебе и то и другое. Так что я уверен, что это сработает. По крайней мере, я не вижу, что этому может помешать.

– Я же пыталась убить тебя. Это тебе не мешает?

– Любая жена в какой-то момент мечтает об этом. Конечно, я бы предпочел, чтобы это случилось хотя бы через несколько лет брака... но сам этот факт не назовешь необычным.

– И ты правда думаешь, что это... изменит то, что случилось когда-то? Что это можно изменить? – Самира с удивлением поняла, что действительно хочет услышать ответ.

– Все можно изменить. Вода полностью меняет пейзаж, обтачивает камни... Почему же мы не сможем изменить то, что осталось у нас?

И Самира почувствовала, как в дальнем предательском уголке души, который каким-то чудом сохранился живым, несмотря на все страдания, затеплилась надежда и желание поверить ему. Поверить в то, что в ее сердце еще может найтись место чему-то помимо холода, гнева и мести.

– Но даже если ничего не выйдет, – продолжал меж тем Ферран, – по крайней мере, для меня это лучше, чем если ты перережешь мне глотку. А для тебя – лучше, чем жить в задней комнате в лавке торговца.

Теплый огонек надежды мгновенно погас.

Выходит, он полагал, что мягкая постель может излечить ее боль. Заставить забыть о том, что она пережила. Потерю семьи, потерю дома... Он так ничего и не понял. Что ж, она заставит его понять. Заставит страдать так же, как страдала она.

– Ну что ж, – улыбнулась Самира. – Почему бы и не попробовать?

Глава 4

Разумеется, Ферран должен был подстраховаться. Самира была красавицей, но положиться на нее было нельзя.

Она была потомком воинов и сама стала воином. Воином, которого он предпочел бы видеть на своей стороне. И хотя в последние дни она держалась тихо, шейх не питал иллюзий: она была как гадюка, затаившаяся в своей норе, и обращаться с ней следовало с величайшей осторожностью.

Прежде всего, ее надо было выкурить из норы.

Ферран подошел к двери в покои Самиры. Поначалу он хотел войти без стука, но, решив, что такая вольность может быть опасна для его жизни, с силой постучал.

– Да?

– Это Ферран, – произнес он.

Ответом было молчание.

– Ты не забыла, что я – шейх Кадры и твой жених? – спросил он. – О да, конечно, еще я – твой смертельный враг.

Одна из створок слегка приоткрылась, за ней блеснул глаз Самиры.

– Я ничего не забыла.

– Я не видел тебя уже несколько дней. Я уже стал беспокоиться.

– Я плохо себя чувствовала, – заморгала она.

– Да что ты?

– Да, очень плохо. Из-за нашей помолвки.

– Неужели наша помолвка довела тебя до лихорадки?

Ее глаза сузились.

– Чего ты хочешь?

– Самира, я дал тебе достаточно времени отсидеться в твоей норе. Но теперь нам предстоят серьезные дела. Мы должны объявить всему миру о нашей помолвке. А значит, и о том, что считавшаяся погибшей шейха Джахара жива.

– Может, просто напишешь пресс-релиз?

– Самира,пусти меня, или я выбью дверь.

– Попробуй!

– Самира,пусти! – с нажимом повторил он.

На сей раз дверь открылась. Самира стояла на пороге:

– Входи.

– Почему ты хочешь, чтобы я чувствовал себя гостем в собственном дворце?

– Это мои покои. Здесь ты – гость.

– Это моя страна. А ты – моя пленница. – Шейх увидел, как расправились ее плечи, как затрепетали ноздри. – Как неприятно слышать правду, да?

– Бывают вещи более неприятные, – сверкнула глазами Самира.

– Например?

– Узнаешь, когда я ударю тебя ногой между ребер, – ненавидяще прошипела она.

– Нам надо будет провести пару спаррингов. Конечно, когда передумаешь меня убивать.

– Тебе придется долго ждать.

– Будь аккуратнее, – предупредил шейх. – Некоторые мужчины могут воспринять такие слова как заигрывание.

Он сказал это, чтобы узнать ее реакцию. Но через мгновение, смутившись, понял, что ее реплика действительно заставила его кровь бежать быстрее, представить себе, каково это

– перекинуть ее через плечо, ощущая все ее соблазнительные округлости и ее смертельную ярость.

Шейх сжал зубы. Он не станет рабом своего тела. Он вообще не станет рабом. Он – хозяин. Он – шейх. Он служит своим людям, а не себе. А значит, эти мысли надо выбросить из головы.

– Ты отвратителен. – Самира оскалилась в злой улыбке. – Ты думаешь, я стану спать с убийцей отца?

– Ради наших народов я готов спать даже с женщиной, чей отец убил обоих моих родителей.

И не только. С дочерью человека, который открыл запоры и выпустил наружу демонов, дремавших в душе Феррана, показав ему, каким он может стать, если ничто не будет его сдерживать. Ферран потряс головой, отбрасывая воспоминания.

– Мне кажется, мы обсуждаем невозможное, – проговорила Самира. – Я думаю об этом вот уже несколько дней. Я никогда не смогу простить тебя.

– Твой отец хладнокровно убил моего отца. Мою мать...

– Я знаю, – произнесла она. – Мы оказались в непростых обстоятельствах.

– Они не так уж сложны. Наша свадьба – хорошее решение.

– Неужели? – Самира изумленно вскинула брови. – Ты помнишь, что наши родители погибли из-за супружеской неверности? Все это сложнее, чем ты представляешь.

– Ты говоришь о страсти. Страсть – сложная тема. И опасная. А брак – это юридический договор, и в нем нет никакой опасности. По крайней мере, пока к нему не примешивается страсть.

– Я поняла тебя. Но ты действительно уверен, что чувства не имеют над тобой власти?

– Конечно. Если бы меня вели чувства, твоя хорошенькая головка уже покинула бы тело за то, что ты пыталась сделать. К счастью для тебя, я всегда действую обдуманно.

Он внимательно оглядел ее хрупкую фигурку, подчеркнутую красной туникой, расшитой бисером, слегка прикрывавшей колени. Под ней были шаровары того же цвета. Черные как смоль волосы были собраны в пучок, опутанный золотой цепочкой и возвышавшийся на ее голове подобно короне. На секунду он попытался представить себе, как она будет выглядеть, когда эти блестящие черные пряди широкой волной хлынут по ее плечам. Но тут же пресек эти фантазии. Ее волосы, ее красота не имели отношения к их соглашению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.